Варвары

Глава I, в которой только намекается на жестокость Крулла и коротко рассказывается о налете гильветов

1. Повествование относится ко 2-й половине I века до н.э.
2. Гельветы - кельтский народ, живший на территории нынешней Швейцарии (в Гельвеции). Когда одно из 4-х основных племен гельветов - тигурины - летом 58 г. до н.э. в битве при Бибракте весьма жестоко (даже по меркам того времени) победило куда более сильных и многочисленных эдуев, живших между Луарой и Соной, не оставив никого в живых, и двинулось на запад, представляя реальную опасность Риму, эдуи обратились за помощью к римскому наместнику; тот направил донесение Цезарю (102-44 гг.до н.э.), в Риме же ошибочно прочитали "гИльветы". После этого слово "гильветы" долгое время обозначало о-о-чень жестоких варваров вообще, без привязки к конкретному племени.
3. Крулл и Горр - наиболее известные мифологические персонажи варваров из древнеримского эпоса.

Даже бог войны Марс Копьеносец в жестокости безграничной своей не ведал,
Что столь кровавые и жестокие набеги варварские на римские лагеря возможны,
Но тогда лишь, как проводит их Крулл, вождь племенной гильветов ужасных.
Много таких набегов страшных было, об одном из них вам поведать хочу.
Узнал Крулл: в маленькую естественную гавань много римских галер зашли
Запасы еды и пресной воды пополнить - к концу, истощившись, уж подходили.
Галеры большие, нагружены тяжело, вода морская не достает до палубы чуть.
Хоть не знал Крулла шпион, какой груз римляне везут, решен был набег.
Однако помыслить не мог Крулл, что на галерах римских этих тяжелых.
Ожидал, рабов разных боги римские ему пошлют, но не таких, и столь много.
Но - рабынь две тысячи с лишком! Отборных рабынь, самых лучших из лучших.
На всех почти известных Империи товара живого аукционах их закупали.
Даже Венера Обольщающая не нашла б нигде во Вселенной никого прекрасней.
Самые чувственные женщины с фигурами отборными, самые красивые девочки,
Обучение длительное прошедшие в гаремах Востока лучших из лучших.
Во всей Империи великой, ее городах и колониях дальних чудеснее их не было.
На деньги бретанцев, Риму покорных, их закупили, туда направлялись галеры.
Сам венценосный Цезарь в месяц последующий должен был посетить острова,
Наместником недоволен был, в воровстве злом подозревал и мздоимстве.
К визиту наместник готовясь, рабынями теми императора умилостивить хотел.
Слишком римские моряки медлительны и неповоротливы на суше оказались,
А охрана галер - малочисленна слишком и к сраженью с варварами не готова.
Мгновенно вырезаны римляне большей частью оказались, меньшей - пленены,
Как гильветы Крулла с гор в бухту ринулись на противника во внезапном набеге.
Это лишь самое начало истории длинной я рассказал из того, что хотел,
А теперь, с духом собравшись, к оргии гильветов живописанию приступаю,
Оргии жестокой и беспощадной, ибо репутация зверская воинов Крулла
Славилась не лишь средь варваров, крови не брезгающих, но и в Империи всей.

Глава II, в которой рассказывается о жестоких игрищах, заканчивающихся кастрацией и смертью пленных римлян

Большинство женщин плененных воины на галерах захваченных оставили,
Чтоб потом их использовать, как Крулл к тому разрешение даст свое,
А утро всё смертельным спортом с мужчинами римскими занимались,
Которым Громовержец Юпитер не позволил в сражении честно погибнуть.
Одно из соревнований было - два крепких нагих юноши друг против друга,
Кто лучше из них ногами биться умеет, рук не в праве, и не в силах применить.
А чтоб обмана в игре этой не было никакого, кулачного боя или борьбы,
Перед соревнованием жестоким руки им обоим около плеча самого отрубали.
Но дабы кровью быстро они не истекли, дабы развлечь воинов до конца,
Шнуром короткие обрубки им перевязали и крепко затянули, сколь могли.
Игра же проста была очень - каждый нагой соперник другого пленника бил
Меж ног со всей силы, сам от ударов соперника своего уклониться пытаясь.
Потому как коварно неправду им люди Крулла пред игрой сказали,
Что победитель невредимым в живых останется, а проигравший - без ног.
Невероятное зрелище - молодые римляне нагие с руками отрезанными
Пытаются тестикулы разбить друг другу для завоевателей развлечения.
Еще удивительней посторонним - возбуждение бойцов поневоле.
От ударов своих и чужих, от криков зрителей, их окруживших,
Пенисы римлян напряглись, поднялись, встали почти вертикально,
Но не застыли, а качались из стороны в сторону при движении каждом.
Бойцы плакали открыто, слез своих не стесняясь, только с глаз стряхивая их,

Однако не мешало им это на соперника нападать, бывшего друга,
В надежде боем прекрасным своим, и ударов точностью варваров поразить,
Тем самым жизни остаток безрукой в награду от врага жестокого получить.
Десяток пар обрубленных римлян молодых боролись одновременно
На берегу залива, группами кричащих победителей окруженные.
Но даже варваров грубые крики не могли агонии стонов заглушить,
Когда поверженные бойцы с тестикулами расплющенными наземь падали.
Боролись они жестоко и отважно, нанося ужасный вред сотоварищу,
Но даже победителю в схватке той жизнь заслуженная не доставалась.
Смертельный удар неожиданный в спину копьем острым и одному, и другому -
Единственной наградой от гильветов было после боя для соперников обоих.
Как всех бойцов безруких казнили, гильветы к новой забаве приступили,
С простым очень и звучным названием "Копье и Шары".
Длинные кожаные ремни по двадцать локтей для этой игры приготовили,
А несколько пар римлян нагих с руками связанными спинами друг к другу поставили.
Гениталии им накрепко перетянули, но по-разному стороне каждой.
Тем, кто слева, ремнем этим пенис - "Копье" - под самым корнем завязали,
А справа, петлёй, - мешочек с тестикулами, под пенисом висящий - "Шары".
Ремни же меж ног им пропустили и вместе попарно соединили крепко.
По сигналу кнутами воловьими римлян по ягодицам и спине бить начинали,
Чтобы заставить их как можно быстрей друг от друга бежать.
А как на сорок локтей разбегались пленники испуганные,
Ремень с хлопком натягивался и останавливал несчастных.
Мгновенным рывком ремень гениталии римлянам отрывал одновременно,
Один из них аккуратно кастрирован оказывался, но живой к несчастью,
Другому больше везло - пенис с куском мяса отрывало, он навзничь падал,
Сразу крови струя из него хлестала, быстро до смерти желанной истекал.
Но много еще живых римских пленников оставалось, потому
Гильветы еще два варианта той же игры использовали.
Сначала дюжину юношей поставили позади четырех скакунов,
Гениталии римлян - вместе пенис с тестикулами - петлями стянули.
Петлей этой ремни заканчивались - длинные, более тридцати локтей.
Другой же конец каждого ремня к лошадям привязан был.
Смеялись гильветы, пальцами показывая на пенисы поднявшиеся
Пленников, в стороне стоящих - очереди своей дожидающихся.
По свистку длинные кнуты по ягодицам юношей и крупам скакунов
Ударили, к соревнованию в беге принуждая, по склону вниз к морю.
Но скорость людей и животных очень неодинакова оказалась,
Хоть, спасая себя, бежали римляне так, как никогда до того не приходилось.
Один за другим пленники от лошадей на всю длину ремня отставали
И спотыкались, петлей, гениталии рвущею, вперед толкаемые,
Катастрофой это было для их мужественности отрывающейся,
Падали римляне, и крови фонтаны к богам безмолвным взывали.
А части мужские главные, вместе оторванные, сначала кверху взлетали,
Потом на длинном ремне в тридцать локтей за лошадьми волочились,
На бугре каждом и каждом камне лежащем подпрыгивая,
Смех варваров, оценивающе взирающих и любующихся, вызывая.
Еще лошадей для похожего игрища гильветы использовали.
В длинный ряд большинство оставшихся пленников еще живых выстроили,
Перед ними опрокинутую колесницу, с галеры снятую, уложили.
И ремни, гениталии перетягивающие, к этой колеснице притянули.
Как у бегунов, поневоле со скакунами резвыми соревновавшихся,
У этих пленников доблесть мужская тоже к небу восстала - от перетяжки,
От тяжести ремня, половиной своего веса на них давящего,
И от ветра, из стороны в сторону без остановки ремень шевелящего.
За спинами римлян несколько варваров еще прошлись, кнутами играя,
И пленников возможно дальше от колесницы отойти заставляя,
Чтобы ремни в воздухе не ниже полутора локтей над землей зависли,
Оттягивая их набухшие пенисы поднявшиеся и тестикулы напряженные.
Как готово всё было, упряжка конная, гильветами управляемая,
Пред пленниками на полном скаку, ремни натянутые дергая, проскакала,
Петлей связанные гениталии римлян под корень выдирая.
В восторге варвары были, что у большинства несчастных эякуляция тут наступила.

Глава III, в которой рассказывается о первых кровавых игрищах с участием пленных женщин

Для нового развлечения зверского варвары женщин начали использовать.
Самое оскорбительное для свободных Империи граждан это было.
Хуже, чем кастрация, большую часть к смерти тотчас приводящая.
Соревноваться в мастурбации перед зрителями пленники должны были.
Двух рабынь молодых привели, и одежду всю скинуть велели, и паллу, и тунику,
А потом нагими на песок с раскинутыми в стороны широко ногами положили.
Увидели все тогда такие вульвы сочные, что Венера могла позавидовать.
Рабыням же, ударами кнута горячо убеждая, ласкать друг друга приказали:

Стоял с достоинством, выпрямившись гордо, без страха на Крулла глядя.
Вполне воин такой достоин экзекуции церемониальной, - Крулл решил.
Рабыню красивую привели, девочку лет девяти-десяти, обнажив заранее,
И, на колени пред центурионом поставив, ртом пенис его возбуждать велели.
В гареме несколько лет обученная науке Амура, хоть девственна была,
Без колебаний рабыня прекрасная за занятие принялась умело.
Рабыня кровавыми событиями дня предшествующего возбудилась весьма,
Еще - тем, как средь прочих рабынь ее отбирали, паллы и туники на всех задирая,
Еще - тем, что мечта сбылась - пред пенисом хозяина бывшего на коленях стояла,
Еще - молода была очень, Венеры холмик безволосый не брила еще ни разу.
Потому, как закачались пред лицом ее центуриона гениталии внушительные,
Как ладошками его тестикулы громадные обняла, жезл ко рту приблизив,
Сдержать позывы свои естественные не сумев, пузырь опорожнила,
И шумная желтая струя меж ног ее под смех воинов на песок хлынула.
Краской девочка от стыда налилась, но работу свою почетную продолжала.
Языком тоненьким багровую головку поглаживала и нежно губами прикусывала,
Пенис налившийся, в руку ее толщиной, до самого горла в себя вбирала,
Тестикулы, в мешочке качающиеся, пальчиками детскими щекотно перебирала.
Недолго это зрелище, гильветов зело веселившее, продолжалось.
Заметили варвары, как бедра центуриона задвигались девочке ответно,
Губы нервно прикусывать пленник начал, а пенис во весь рост могучий встал.
В сторону тогда девочку отшвырнули, за волосы ее грубо ухватив.
Центуриона низко на корточки усадили, колени ему широко в стороны раздвинув,
А руки за спиной с лодыжками связав, чтоб другое положение принять не мог.
Безопасен пленник теперь стал, и неторопливо Крулл к нему подошел,
Унижением такого противника сильного, отборного средь многих, довольный.
Сзади зайдя, ножнами меча своего начал Крулл центуриона по ягодицам ударять,
Багровые полосы от того на голой мужской плоти выступили, кровь засочилась.
Принужден был от ударов таких жестоких вперед пленник двигаться,
Но лишь на пальцах ступней, дабы не уткнуться позорно носом в песок.
Умело ударял Крулл, как лягушка заковылял сгорбившийся римлянин связанный,
С коленями раздвинутыми и тестикулами, меж поднятых пяток качающимися.
Своего добившись, уткнул Крулл меча острие на груди центуриона в завитки волос.
Тщетно тот равновесие пытался удержать, но не сумел и на спину опрокинулся.
В падении своем губительном, как Крулл рассчитал, всем весом своим немалым
По у земли висящим тестикулам собственным ударил, раздавив их напрочь.
Оценил тут Крулл пленника мужскую силу, ибо тестикул разрушение
Эякуляцию последнюю у того вызвало, лицо центуриона спермы потоком залив.
По знаку Крулла приподняли воины римлянина, вновь на корточки его усадив.
Хоть мешочек с тестикулами как гладкий папирус египетский меж ног провис,
А лицо пленника болью искажено, ни звука тот не издал мужественно,
И пенис его, только что извергнувший, внушительным остался, как римлянин сам.
Последнее оскорбление нанес тогда Крулл римлянину побежденному
На его лицо помочившись, струей едкой варварской липкую сперму смывая,
В завершение ударом меча сильным обезглавив на корточках позорно сидящего
Центуриона пленного, и как воина, и как мужчину полностью побежденного.
Назидательна и справедлива для всех людей кончина его позорная стала,
Ибо не может в живых полководец остаться, столько рабов потерявший,
И столько воинов, не сумевших отпор дать группе варваров малочисленной,
И собственность Цезаря венценосного дорогую защитить не сумевшего.
Теперь, как весть о поражении этом и рабынь потере до Рима дойдет,
Поспешно вновь придется наместнику бретанскому, визитом озабоченному,
Гонцов во все города имперские отправлять рабынь отбирать и закупать,
Дабы инспекция Императора могущественного плачевно не кончилась.

Глава VI, в которой рассказывается о каннибализме гильветов и новых отверстиях в телах женщин

Тем временем как Крулл центуриона казнил столь люто и оскорбительно,
В загоне для рабынь три десятка женщин самых пухлых отобраны были,
Обнажили их, дабы все полюбоваться могли на белые телеса, соком полные,
И, в испуге дрожащих, в круг воинов привели, нового развлечения жаждущих.
На спину сочных красавиц уложили, налитые животы им накрест вспороли,
И, еще живых и кричащих, выпотрошили. Потом копьями их насквозь прокололи,
Через вагину ими нетронутую до горла, и над кострами на вертелах стали жарить,
Дабы с утра голодных гильветов воинов и молодежь накормить досыта.
Более целесообразно это было, чем жестокие убийства бессмысленные,
Ибо редкую в наше время для мира цивилизованного пищу давало -
Заживо над костром жареную плоть женскую молодую сочную и вкусную,
Что куда лучше обыденной оленины иль свинины приевшейся было.
Ради господства плоти телесной и душевной гильветы жили, иного не ведая.
Хоть каннибализм и у них исключеньем считался, в исступление их приводила
Плоть жаренная женщин захваченных, один вид самых мест интимных -
Вульвы, грудей, лядвей с ягодицами, новую жажду крови и похоти вызывая.
Поскольку не было сейчас у гильветов в игрушках для похоти недостатка,

Каждую пленницу лишь для однократной эякуляции использовать было можно,
Убивая ее при этом, и судорогами жертвы предсмертными наслаждаясь,
Прилив крови к пенису вызывающими, где б в женском теле не находился он.
Места же разные использовались для пениса, не только вагина, анус или горло,
Новые отверстия в мясе пленниц гильветы для похоти проделывали.
Почти в любом из отверстий этих при агонии мускулы женские сокращались
Немедленную эякуляцию насильника и убийцы вызывая ответно.
Единственная часть тела женского, дыра в которой, пенисом заложенная,
При агонии мускулов сокращение не вызывающая - груди женские были.
Но так они подпрыгивали возбуждающе при движении пениса, в них вложенного,
Что прекрасными предметами для пытки предсмертной гильветам служили.
Считали варвары, танец самый красивый эротический пленницы умирающей
Тогда именно получался, когда пенис грудь, кинжалом под соском надрезанную,
Всё глубже и глубже пронизывает, оргазм сильный танец такой вызывает.
Ведь всю женщину не надо держать тогда, только в грудь вцепиться достаточно.
В иных же отверстиях в теле пленниц, специально для насилия проделанных,
Конвульсии красавицы предсмертные пенис эрегированный судорожно обжимали,
При этом обильную эякуляцию встречную у насильника вызывая агонией.
К примеру, над ключицами надрезать шею с горлом гильветам нравилось.
В обе стороны тогда можно было пенис просовывать - и к голове, и к туловищу,
И по трубке естественной любой - и по горлу, и по трахее дыхательной,
Куда интересней так пленницу насиловать было, чем просто рот ее использовать.
Еще живот надрезали - около пупка обычно, где пенис кишками плотнее держится.
Еще - под ребрами, лучше слева, чтоб до сердца несчастной пенис дотрагивался,
И самой головкой нежной его затухающее биение неравномерное чувствовал.
Еще - в пахе, рядом с вульвой в пустоту щель вагине параллельную прорубить,
Из естественной в новую переходить тогда можно, в анус оттуда, обратно потом.
Еще - узкий, но глубокий, в мякоть самую, разрез на бедра внутренней стороне
Сделать - там, где у женщины кожа бархатистая самая нежная, и мышцы сплошные.
Так пенис эти мышцы обжимают, что эрекцию вожделенную стократ усиливают,
Хоть из-за обжима этого и сложно в разрезе мышечном пленницу насиловать.
Лишь воины гильветов самые сильные успешно могли бедро использовать,
И то для этого ногу женщины, поднятую горизонтально, фиксировать приходилось,
Вервием, к примеру, привязывать, бедро разрезанное наверх подтягивая.
Еще ж лучше - шипом деревянным к доске прибить, тогда лишь пенис вводить.
Закалка немалая и сноровка для фрикций трудоемких в бедро требовались,
Но наибольшее удовольствие этот способ давал - движение самое малое
Пленницы полураспятой бурю мускулов движения вокруг пениса создавало,
Особенно, если с эякуляцией одновременно в вагине кинжалом шевелить.
При оргии этой кровавой гильветы зачастую женщин даже не обнажали,
Лишь дыры для пениса в одежде прорезая и ленты стягивающие рассекая,
Ибо в агонии предсмертной руками свободными пленница сама платье свое
Разрывала в забытье бесстыдно, наслаждение варвара тем усиливая.

Глава VII, в которой рассказывается о стаде кобылиц, из пленниц гильветами отбираемых

Целью гильветов было всегда над побежденными доминировать полностью.
Но подчинение слабейшего, даже полное, не воспринималось ими достаточным.
Полной властью считали они только смерть, от варварской своей руки принятую.
Хоть одно исключение из правила этого принималось ими - для рода продолжения.
Стадом кобылиц своих называли они пять с половиной десятков пленниц,
Прекрасных самых и молодых, только лишь в возраст детородный вошедших,
Но не худосочных, а выносливых достаточно, с тазом и бедрами широкими,
Не мешающими ребенка, от варваров зачатого, выносить, родить и вскормить.
Отбор стада этого из невольниц всех очень тщательный гильветы устроили.
Сначала из загона женского переполненного потенциальных кобылиц вывели -
Молодых достаточно, с фигурой мясистой и цветом кожи белоснежным только,
Ибо не были черты негроидные гильветам присущи, и получить не хотели их.
Таких больше пяти сотен оказалось, слишком много для племени мобильного.
Этим внимательный осмотр устроили - обнажиться велели, в кучку одежду сложив,
И по одной мимо варваров, строем в две шеренги стоящих, медленно проходить.
Каждый воин в шеренгах "право вето" имел, римлянами самими изобретенное.
Широко использовали при осмотре воины это право - если не устраивал кого
Цвет волос иль форма груди, пленница раздетая вновь в загон возвращалась.
По требованию подходила девушка к гильвету, рот открывала, ноги расставляла,
Зубы свои показывая, или влажность вульвы оценить возможность предоставляя.
В шеренгах сортировку эту около двух сотен прошло, воин ни один, стараясь, не смог
Дефектов никаких в этих женщинах обнаружить. Потому далее отбор продолжался.
Пленниц в круг спинами к варварам поставили на колени, лицами в песок уткнув.
Ягодицы они сами руками раздвинули позорно, детородные места распахнув.
От одной женщины к другой гильветы переходили, разглядывая внимательно
Вульву, вагину и анус, пальцы засовывая, пригодность к деторождению оценивая.
Еще десятков шесть отбракованы при этом были, но всё же слишком много осталось.
Но от осмотра такого возбудились варвары изрядно, пенисы их вверх восстали.

Уверена была, так вождя грозного потрясет им, что жизнью за то награждена будет,
Поскольку вид тела ее воистину необычен был. Ее вульвы губы широкие,
Еще от рождения большие, специально оттянуты низко были и развернуты слегка.
В результате сверху толстый клитор прекрасно сформированный высовывался,
Снизу же эти интимные творения изумительные ниже колен ее заканчивались.
Когда тунику свою красавица гордая подняла, всех блеск колец золотых ослепил,
Что по периметру губ широких, столь низко свисающих, вставлены в них оказались.
Но не только по кольцам понятно стало, что богатая женщина пред Круллом стоит,
Ибо на цепочках золотых, от тех колец исходящих, гениталии, как живые, висели.
Гениталии мальчиков-рабов, что кастрированы для работы в гареме были,
Ей принадлежащем, но кастрированы не тестикулами одними, а пенисами также.
После кастрации, дабы не пропадали их органы детские втуне, бальзамировали
Пенисы маленькие с шариками в мешочках детскими по рецептам египетским,
Сушили затем, и тогда лишь для украшения интимного женского использовали.
Более двух дюжин гениталий таких на верхних половинах обеих губах ее висели.
На нижней же части каждой губы оттянутой, о колени ее прекрасные ударяясь,
Два взрослых пениса эрегированных болтались, с тестикулами в полном наборе.
Удивление Крулла не то даже вызвало, где экземпляры такие огромные нашли,
Как бальзамирования мастерство, сумевшее прекрасно эрекцию сохранить.
Но не только вульвы губами своей была гражданка благородная примечательна.
Соски ее с детства раннего обрабатывались и отсасывались слугами аккуратно.
Потому, хоть не рожала она, пальцы красные, из грудей горизонтально торчащие,
Не меньше по размеру были, чем пенисы подростковые, желанием восставшие.
Груди же ее были полны, велики, но формы хорошей, кверху ровно подтянутой.
И вся прекрасна она была, с лицом изумительным, с длинными волосами рыжими,
Талией узкой, бедрами широкими и ногами, длине которых Венера завидует.
Мужья за судьбу женщин таких в городах портовых опасаются, ибо всякое бывает…
Вблизи пристаней морских часто их похищают, поскольку прогулку совершает
Госпожа обычно лишь в сопровождении молодых рабынь красивых нескольких,
Сопротивление захватчикам оказать неспособных, а цена добычи увеличивается
От того, что не одна женщина похищенной оказывается, а несколько вместе.

Глава XII, в которой рассказывается об унижениях новой благородной игрушки Крулла

Первое, что Крулл сделать решил, как столь знатная женщина прекрасная пред ним
Тело свое изысканное показала, это - унизить ее, к рабыням обычным приравняв
Бесчисленным, гильветами захваченными, а для того символа власти ее лишить,
Вульвы длинными губами столь необычно украшенными демонстрируемого открыто.
Потому руки мановением приблизиться к себе приказал, по грудям пройдя
Невольниц-подстилок, а как подошла она, ухватился вождь за губы, висящие
Столь низко и гениталиями детскими и мужскими украшенными, и с такой силой
Оттянул, что покачнулась женщина, устоять затрудняясь на неровностях живых.
Другой рукой Крулл кинжал приподнял, движением одним под корень отсек
Губы ее, оформленные столь художественно, и в костер два ошметка бросил,
Ибо ни гениталии бальзамированные, ни кольца с цепочками золотыми
Не прельщали гильветов надменных, к корысти и красоте безразличных.
Закричала пронзительно голая женщина благородная, и от резкой боли жгучей,
И от того, что всё могущество ее одним взмахом кинжала Крулла исчезло сразу.
Ее нагота ее же положение олицетворяла наглядно, теперь же отличия ее от рабынь
Обычных исчезли начисто, любая телом необычным похвальба ее тщетной стала.
Простой рабыней красивой она теперь стала, которую использовать можно было,
Как прочих всех, чтоб пред следующим набегом развлечься. Развлечений кровавых,
Остатки которых на песке лежали, достаточно вполне видела уже она, понять чтобы,
Что жизни ей отныне часы в лучшем случае отпущены, не дни или годы никак.
Тонкими струйками кровь капала со срезов того, что лишь мгновенье назад
Благородство ее определяло, сейчас же стало до нормального размера женского
Уменьшено. Втуне сотни дней работы искуснейшей рабов ее пропали, кто лепестки
Плоти тонкие формировал и вытягивал, и кто гениталии кастратов бальзамировал.
Оттого нагота ее непристойной стала, и, боли и унижения выдержать не в силах,
Неблагоразумно она отпустила тунику задранную, до колен сразу же упала она.
Недоволен этим Крулл оказался, и по знаку его вновь обнажили женщину воины,
И, в поясе переломив, над Оотой, все еще наездницей, нагнуться принудили.
Не прерывала нубийка ни на мгновение пляску свою анальную на вождя пенисе,
Чем одобрение его заслужила, потому приказал Крулл Ооте один из громадных
Сосков удлиненных бывшей женщины благородной, рабыни отныне, сосать.
Тотчас выполнила нубийка молодая вождя приказ, танец свой продолжая.
Будто член мужской сосок взяла она в рот, размеров, до горла достающих,
Не смущаясь нисколько, ибо с возраста трехлетнего играм Амура обучалась
Прилежно учителями и хозяевами многочисленными всё тело использовать,
Рот особенно, тошноту, от размеров больших возможную, преодолевая.
Приходилось Ооте многократно куда сложнее работу выполнять, горло заполняя
Свое до корня заглотанным пенисом, эрекцией бушующим, огромного мужчины
Взрослого, а сосок нубийка по размерам оценила не более двенадцатилетнего
Мальчика члена, но мягче намного, и не проталкивающегося в нее настырно.

С интересом Крулл за действиями Ооты наблюдал, ибо с такой отдачей трудилась
Она над соском громадным, чавкая самозабвенно при этом, будто не грудь женская
У нее во рту была, а пенис настоящий, вот-вот эякуляции обильной ожидающий,
Причем не мешало это нубийке анусом своим роль наездницы Крулла исполнять.
Отменно обучен ребенок был искусству мужчин ублажения, разрешало ей это
Сразу действий несколько независимых исполнять. Сейчас же не могла Оота
Себе позволить ни эрекции Крулла уменьшения, ни эякуляции преждевременной,
Ибо то иль другое, интерес к ней ослабив, к смерти немедленной привело бы.
Потому все игры нубийкой так делались, будто на арене Колизея была она
Пред зоркой публикой многотысячной, каждый жест и гримасу оценивающей.
Вдобавок ко рта движениям сосательным, руками с грудью Оота заработала,
Сдавливая их ритмично и разглаживая, как младенец грудной с матерью делает.
Удивившись, почувствовала тут нубийка, как струйка остренькая ей в нёбо ударила.
Сосок сразу изо рта вынув, руками еще сильней грудь сдавливать она стала,
И Круллу на струйку белую показывать, демонстрируя, что и у женщины не рожавшей
Лактацию вызвать способна, ибо всё, что к ней в рот попадает, эякулирует сразу.
Восхитился вождь Ооты мастерству волшебному и одними руками продолжить
Доение приказал, чтоб убедиться он мог, сколь девочка искусна в невозможном
Волшебного нектара женского добывании, что и исполняться нубийкой сразу стало,
Отчего из мест на соске разных десятки струек на лицо и тело Ооты забило.
Волосы темные ребенка и тело ее оливковое покрыты быстро оказались молоком,
Лишь из одной груди женщины недавно благородной, в рабство свежеобращенной,
А как уменьшаться лактация стала, вновь сосок огромный в рот нубийка взяла,
Дабы полностью сущность молочную женщины иссушить, на вкус ее познав.
"Откуси!", - Крулл неожиданно Ооте приказал. Хоть рабыня новая и не питала
О планиде своей иллюзий особенных, но "Нет!" ее оглушительное раздалось сразу,
Дернулась она, распрямиться пытаясь, отчего воины крепче схватить ее вынуждены
Оказались, чтоб согнутое положение подчиненное сменить не смогла никак.
Нубийка десятилетняя по-прежнему в это время на пенисе Крулла извивалась
Анусом своим, и сфинктера сжатиями периодичными балансировать заставляла
Вождя гильветов грозного лишь на эякуляции приближении, но не оргазме самом.
Потому никаких колебаний в отношении рабыни новой не испытывала нисколько.
Одним движением резким Оота приказ владельца нового выполнила, плотно
Челюсти сжав, и с силой со всей зубы свои острые в основание соска вонзив
Громадного. Крулл же, криком рабыни новой возмущенный, могучий удар кулаком
В лицо, визг непокорно производящее, нанес, дернуться рабыню назад заставив.
Как следствие, сосок свой огромный рабыня сама оторвала окончательно, оставив
У нубийки во рту. Усмехнулась Оота, голову чуть приподняв, чтобы смог убедиться
Вождь, что липкий кусочек кровоточащий, жирную палочку корицы напоминающий,
У нее меж губ сжатых торчит, потом его прямо на тело одной из подстилок сплюнула.
Непристойным это действие было, как и всё, что с плевком связано, и показывало
Презрение Ооты к той, чье молоко только что пила, сейчас же лишь наложницы
Рабыней считаться могла. Показательно такое действие для всего воспитания
Нубийки было, где лишь Амуру место нашлось, мораль же отсутствовала вовсе.

Глава XIII, в которой рассказывается о первом убийстве, Оотой исполненном

Получилось у нее так, что ни с кем у Ооты дружеских отношений никогда не было,
Ибо знала она только учителей своих и хозяев разных, а целью ее всегда было лишь
Собственной жизни сохранение, на иное нечто ни сил, ни времени не оставалось,
Разве что по ночам циновку с другими детьми спящими разделять приходилось.
Да и владельцев с учителями в Амура играх слишком часто ей менять приходилось,
Чтоб привязанности хоть какое подобие возникнуть успело, лишь знаний от них Оота
Набиралась, устраивало это ее вполне, и сожалений никаких при смене владельца,
Либо ожидания ностальгического возвращения его не испытывала она никогда.
Для удовольствия же хозяев и хозяек своих разные вещи делать приходилось,
Не только утехами заниматься. И без брезгливости всякой экскременты свежие,
Из отверстий владельцев выползающие, поглощать Ооте приходилось, и мочой их
Жажду свою насыщать, хоть зачастую не мужчину так она обслуживала, а женщину.
Никакого протеста не вызывало в ней и владельцев желание другой рабыне или рабу
Вред причинить, лишь бы нубийке самой хуже от того не пришлось. А дважды Ооте
По хозяев приказу для развлечения их, самой убийства совершать приходилось,
Что с улыбкой прекрасной своей она делала, действием не колеблясь нисколько.
Первой жертвой ее год назад девочка девятилетняя стала, с которой Оота спала
На одной циновке боле двух месяцев вместе; потому нубийку и выбрали, чтоб видно
Было, что ценнее для нее - хозяевам преданность собачья иль дружба, возникшая
С ровесницей - не понимали владельцы, что к дружбе неспособной Оота выросла.
Вина неразбавленного упившись без меры, в атриуме банкетном тогда хозяева ее
С гостями возлежали, как нубийку пред очи свои призвали. Думала она, предаться
По обыкновению Амура утехам они с ней хотят, с улыбкой призывной появилась,
Маслом розовым свое междуножье смазав заранее, анус узкий в особенности.
В атриуме же бревно толстое горизонтально повесили, от пола почти на три локтя
Приподняв, к бревну же подружку ее обнаженную спиной привязали, конечности ее
Вокруг дерева в обтяжку прихватив. Возможно, провинилась она в чем, скорее же

И танцовщицей пятнадцатилетней с животом распоротым, за груди подвешенной.
Одно лишь главное - что животные пред потрошением умерщвлялись, рабыне же
Потроха для зрителей интереса и развлечения приказано было вживую вырезать.
Лишь желудок отсекла аккуратно Оота с кишечником, опасаясь сосуды кровеносные
И органы внутренние задеть, ибо смерть рабыни повлекла бы тотчас то, что нубийка
На ее месте сразу бы оказалась, ибо танцовщица по грека замыслу до конца самого
В живых остаться должна была, дабы планиду гастрономическую сполна испытать.
Когда убрали рабы кучу внутренностей, у ног нубийки лежащую, стол пиршественный
Промыв, приказали Ооте крупный мяса ломоть с брюшины танцовщицы срезать.
Улыбаясь, сказал тут грек гостю своему, что может отведать тот поджарки качество
И вкус натуральный женщин своих, из дальних стран экзотических привезенных.
Засмеялся гость в ответ шутке хозяина, нубийке же хозяин приказал, со стола сойдя,
На огне мяса этот кусок приготовить. В углу залы жаровня стояла, там, на вертел
Ломоть насадив, за жарку Оота принялась осторожно, лишь угли используя и огня
Открытого избегая, ибо, вырезку испортив, смертью немедленной наказана была бы.
Не выдержав долго скворчащих мяса звуков и запах дыма его оценив, велел грек
Живота танцовщицы ломоть к нему поднести, обжарки полной не дожидаясь,
За столом же, сочный кусок откусив, с гостями мясом готовым дружески поделился -
Оценили пирующие молодой человечины, кровью пропитанной, вкус натуральный.
Как этот кусок доеден был, Оота новое задание получила - переносной противень
Взять, углями пылающими его наполнить, и, под ягодицей висящей танцовщицы
Выпотрошенной держа, на ней прямо, еще живой, новое блюдо им приготовить.
Выполнено нубийкой новое приказание было, поднесен к столу жаркий противень.
Танцовщица же висящая еще стонала в это время, связанная все так же, с ногами,
В вульву собственную упирающимися, потому экзекуции новой не могла хоть как-то
Сопротивляться или противиться. Вервие, на грудях своих подвешена за которое
Она к потолку была, еще выше подтянули, дабы противень разместить удобно.
Сколь же удивлены присутствующие были, когда, ягодицами своими жар почуяв,
Закричала рабыня распотрошенная, скорчилась и задергалась, на грудях вися,
Ибо ожидали, что, хоть жива, сознание давно потеряла и боль не воспринимает.
По зале же вместе с криком аромат пошел живой человеческой оленины жарящейся.
Поскольку прямо над столом пиршественным еда готовилась, дымом аппетитным
Чадя, гости восточные слюну судорожно сглатывать стали, пищи готовности ожидая.
Когда же, по грека мнению, прожарились живые ягодицы достаточно, приказали
Ооте раскачать танцовщицу висящую, дабы к пирующим тело ее приблизилось.
Руками обхватил грек акробатку замученную и, спиной для удобства к себе повернув,
Пять мяса ломтей сочных, жаром пышущих, из зажаренных ягодиц ее вырезал.
Первый кусок, как принято всюду, себе взял хозяин; опробовав же его, оставшиеся
Гостям своим предложил, в наслаждения предвкушении на подушки откинувшимся.
Теперь уже исполнено планиды предназначение танцовщицы молодой оказалось,
Потому приказал грек Ооте все тем же острым ножом разделочным голову ей отсечь,
Для чего на плечи забраться, свой еще вес добавляя к рабыни весу собственному,
На вытянувшиеся и посиневшие груди, перетянутые столь крепко, приходящемуся.
Противень в сторону отодвинув, легко забралась Оота на живое еще тело висящее
И ножом к горлу примеряться стала, понимая, что истекло танцовщицы время жизни,
До срока, богами установленного, как с рабынями со всеми небом предназначено.
Понимала нубийка, что не понимает латыни рабыня страны дальней, но ей шепнула.
Шепнула же в ухо самое слова успокоительные, из самого сердца своего исходящие.
Сказала ей, что богов благодарить должна танцовщица за то хотя бы, что дерьмо
Свежее, из хозяев выползающее, не заставляли с улыбкой благодарной вкушать ее,
Ибо сохранить экскрементами не оскверненной хотели для своей пищи собственной.
И со словами этими успокаивающими со всей силы движением быстрым и резким
Перерезала нубийка горло танцовщицы экзотической, дабы смерть ее быстрей
Пришла, без мучений лишних, обнаружив, правда, что трудней куда перерезать
Хребет спинной, чем ей раньше казалось, на мужчин, невольниц убивающих, глядя.
Все же, кровь льющуюся игнорируя, довершила Оота действия свои, и, на плечах
Тела безголового сидя, триумфально подняла высоко голову красивую танцовщицы
Пятнадцатилетней, не считая отнюдь, что преступление какое-либо совершила,
Ибо для гостей развлечения пиршественного по приказу хозяина своего убивала.
В ту же ночь и сама Оота предназначалась для развлечения кровавого, должна она
Стать была представления жертвой - большого медведя специально обученного
Совокупление с нубийкой намечалось, что неминуемо смертью рабыни кончалось,
Ибо в оргазма момент самый сжимал медведь зубы на горле партнерши своей.
Связана Оота уже была и залы посреди коленями на скамью мраморную поставлена,
Чтобы голова в скамью упиралась, а ноги и ягодицы в стороны разведены широко,
Медведю удобство предоставляя к коитусу для нубийки последнему и смертельному,
А зрителям пространство рабами, зверя сдерживать обученными, надежно огородив.
В ночь эту темную пираты на острова побережье высадились, свой набег совершая
На грека владения, все его богатство захватив, рабынь в том числе, которых продали
Затем на аукционе владельцам новым. Понимала, конечно, при этом Оота - спасена
Жизнь ее молодая временно, никто не может рабыни безопасность гарантировать.
Но в зале той пиршественной очень малое время от смерти ее отделяло, ибо спущен
С цепи медведь уж был, к нубийке подпущен, задачу свою понял и большим языком
Слюнявым начал ее вульву вылизывать. Когда же, охрану убив, пираты ворвались
В залу, начал уже медведь на спину Ооты забираться, пенисом ее ягодицы задевая.

Большую добычу захватили тогда пираты - драгоценности; рабов много; рабынь
И хозяйственных, и для Амура потех воспитанных; животных диких множество.
Оота же с другими рабынями малолетними на аукционе была хозяином куплена
Новым, ее в дом не взявшим, а лишь для услады других рабов использовавшим.
Оскорбляло это нубийку, ибо не к такому к себе отношению приучена была, когда
Раб любой, грязный самый и старый право полное имел в любой момент взять ее
Способом самым разным, причем все знания ее по пенисов мужчин ублажению
Напрасными оказывались, ибо потребности у рабов в навыках ее никакой не было.

Глава XV, в которой рассказывается о принуждении благородной женщины к унизительной мастурбации прилюдной

Потому после испытаний таких и восприняла Оота планиды своей поворот крутой
Спокойно вполне, жалости и сострадания к хозяевам ее прежним не испытывая
Никакого, хоть и понимала, что новое испытание многожды опасней прежних ее
Оказывается, и, смерти ожидаемой помимо, от варваров мучения может ей принести.
Теперь же, отверстием своим анальным пенис Крулла, гильветов вождя, ублажая,
Улыбнулась Оота, тем уж довольная, что предельно унизить сумела женщину,
Только недавно благородной считавшуюся, ныне же варваров рабыню, с соском,
Нубийкой откушенным и позорно на тело вождя одной из подстилок выплюнутым.
Женщина же нагая благородная с глазами, выпученными испуганно и дрожа стояла,
Ибо до того Крулл собственноручно губы большие вульвы ей отсек и в костер кинул,
А только что Оота сосок откусила и плюнула им презрительно. Сейчас же из груди
Поврежденной кровь толчками выплескивалась, частое биение сердца показывая.
Понимала пленница - если на пытки к гильветам - варварам беспощадным попала,
Только смертью может ее испытание закончится, лишь в том вопрос, быстро ли
Наступит она, и что ей еще перенести придется. А эти пытки для нее уже начались.
Подтолкнули ее, чтоб навытяжку с ногами расставленными пред Круллом встала.
Как в капкан пойманное животное беспомощное стояла она, мелкой дрожью дрожа
Пред вождем, на живые подстилки свои откинувшимся. Ооте тогда Крулл сказал,
Дабы возвратила нубийка невольнице громадный ее сосок только что откушенный,
Оота же приказ решила без рук помощи выполнить, чтоб вновь тем рабыню унизить.
Потому меж зубов зажала тогда Оота огрызок окровавленный, размером с палец
Мужчины большой, и шею в сторону рабыни вытянула, не забывая при том скакать
По-прежнему на вождя пенисе, ибо тот уже меч короткий приготовил, дабы снести
Голову нубийке, если, вытянувшись неосторожно, коитус Крулла хоть чуть прервет.
Приказ получив, с ужасом и дальнейших испытаний опасением на кусочек глядя
Тела своего, осторожно руку взрослая невольница протянула и из губ ребенка,
Над ней издевающегося, вытянула свой сосок откушенный. Крулл же в унижений
Дополнение велел ей огрызок себе в отверстие анальное возможно глубже засунуть.
Со стоном отвращения приказ она исполнять стала, средний палец, длинный самый,
Как поршень используя, на всю его длину огромный сосок в свой анус введя глубоко.
Унижением осознанным для женщины благородной это потому было, что до сих пор
Лишь рабыни ее деньги в заднем проходе носили, госпожу с покупками сопровождая.
Монеты самые ценные и золота самородки в кошель смазанный для того помещали,
Нитью длинной перевязанный, а кошель тот для сохранности - в анус или вагину,
Но лишь в рабыни отверстие, ибо способы любые женщины самокасания считались
Мастурбацией презренной, чем никогда не занимались римлянки благородные.
Всякий раз, как желание чувственное у нее возникало, либо свое положение хотела
Высокое показать, к услугам рабынь, специально тому обученных, она прибегала.
Для того одна из услады рабынь на корточки становилась, римлянка же благородная
Ей на спину усаживалась, назад далеко отклонившись и ноги свои раздвинув широко.
Другая же рабыня на колени становилась и клитор ее ласкала, анус, а также вульву,
С губами удлиненными, столь богато украшенными пенисами бальзамированными.
До тех пор ласка рабыней продолжаться должна была, пока римлянка благородная
С визгом и наслаждения криками в оргазма конвульсиях сладостных не забьется.
Не только в домах женщин знатных при гостей приеме обычной сцена такая была,
Но и на улицах, площадях городов многих портовых, особо, если хотелось женщине
На чужестранца красивого впечатление страстностью своей произвести, хоть и иные
Прохожие порой застывали, удовольствием наслаждаясь, ею от рабынь получаемым.
Помимо же рабынь, усладой непосредственно занимающихся, всегда она брала
На прогулку с собой еще пару рабынь малолетних, специально тому обученных,
Чтобы в собственных отверстиях нижних четыре пениса искусственных нести,
Согревая их при этом и увлажняя игрушки благородные своими соками женскими.
Обучение же рабынь этих малолетних в том заключалось, что вводить непросто
В узкие и короткие отверстия детские - Амура игрушки, размерами для женщины
Искушенной и взрослой предназначенные, а при ходьбе тем более натиралась
Вагина маленькая рабыни и сфинктер ее, Венеры упражнениями еще не растянутый.
Но как привыкали они, то носили всегда в себе эти игрушки в готовности полной
Хозяйку ими ублажить, когда та вблизи таких людей видела, на которых впечатление
Венеры страстностью произвести хотела. Сцены такие, когда женщин с полдюжины
Состоятельных на спинах рабынь малолетних сидят и на рынке в диковинку не были.
В центре площадей больших городов портовых тоже зачастую близ друг от дружки

Матроны, откинувшись, ласки малолетних рабынь принимали - языков их, и пенисов
Искусственных, кулаков даже, в вагину введенных, с наслаждения визгом до оргазма
Доводящих, лишь краем паллы междуножье свое с рабыни головой вместе прикрыв.
Важным ритуалом жизни светской это являлось, ибо прохожие сравнивать могли
Различных женщин благородных из семейств разных в страстности их. А чтобы
Попытки оргазма фальсификации исключить, матроны с собой рабов-мужчин брали,
Обученных специально, задачей которых было за хозяйки соперницами следить.
Если же обман наблюдателями наверняка обнаруживался, когда женщина почтенная
Представление оргазма своего публичного при зрителей скоплении симулировала,
Позором это для матроны становилось, ибо во всех домах богатых смеялись тогда
Над обманщицей, и не было боле ей места на пиршествах в обществе знатном.
Прикоснуться же к себе в местах, Венерой определенных для наслаждения женского,
Ниже достоинства благородной считалось, ибо этим она к рабыне приравнивалась,
Для того и предназначенной, ибо ниже пояса самокасание мастурбацией считалось
Презренной, лишь тогда допустимой, когда никаких рабынь женщина иметь не могла.
Жестоким и необычным наказанием считалось это принуждение женщины богатой -
При наблюдателях публично мест своих интимных коснуться. Лишь за прегрешения
Самые существенные, измену, например, открывшуюся, муж жену свою так унизить
Мог, и ранее надеялась женщина, что никогда в жизни подобный опыт не обретет.
Потому и столь удовлетворен был Крулл, когда сумел столь сильно оскорбить ее,
Заставив собственноручно в собственном отверстии анальном глубоко ковыряться.
Легко и охотно коитусу вида любого предалась бы она с мужчиной, вождем особенно
Всевластным, совокупление с которым мужу изменой во все времена не считалось.
Ибо ласки, мужчине отдаваемые, целью женщин всегда были, теперь же принуждена
Она была пред малолетней рабыней темнокожей позорно мастурбировать, этим себя
До ее положения низводя. Усмехалась на это женщине ответно Оота, ибо понимала
Прекрасно сущность унизительную действия, у нее на глазах сейчас происходящего.
Сама же нубийка почувствовала тут, что пенис огромный Крулла, на ее детский анус
Наколотый, расслабляться немного стал, что недопустимым она посчитала исходя
Из обучения своего амурного, а главное же - для жизни собственной сохранения,
Потому наездницы подпрыгивания свои сильней сделала, сфинктер в такт сжимая.
Оргазма в своей жизни короткой нубийка по малолетству не успела еще испытать,
Но теперь возбуждаться немного стала, на унижение благородной женщины глядя,
Такой же, как хозяйки ее бывшие, но мастурбировать принужденной, а это редким
Удовольствием для Ооты было, ибо правосудие божественное восстанавливало.
В том правосудие хотя бы, что в царство Плутона от рук гильветов та должна была
Не как матрона благородная теперь попасть, а лишь как рабыня низкорожденная.
Крулл, на матрону глядя, сосок собственный в анус заталкивающую, Ооту схватил
За шею тонкую и качать ребенка стал на своем пенисе, эрекцией забушевавшем.
Немедленно нубийка ответила на вождя движения, всё свое играм Амура обучение
При этом использовав. Еще сильней скакать на нем стала, ноги для упора в тело
Одной из Крулла подстилок уткнув - в Венеры бугор и в горло. Оттого, помимо упора,
Ноги Оота смогла раздвинуть широко, детскую вульву разверстую вождю показывая.
Нубийки возбуждение, сфинктера ее жимы ритмичные в такт пенису его огромному,
Движений структурой коровы доение напоминающие, на мгновение вождя отвлекли
От рабыни мастурбации насильственной, ибо почувствовал Крулл, что тестикулы его
Тяжестью свинцовой наливаются, эякуляцию, вождя услаждающую, предвещая.
Решил Крулл, что маленькая девочка темнокожая боле игрищам Венеры с Амуром
Обучена, чем детишки все, с коими он совокуплялся когда-либо, а сотни их вождь
Изнасиловал. Потому, оргазмом со своим одновременно, подарок собрался сделать
Ей, жестокую смерть женщины благородной, нубийке столь ненавистной, показав.
Двум воинам приказал вождь вниз головой рабыню, пред ним стоящую, перевернуть,
Одному держать левую лодыжку с запястьем, другому - правую, ноги ей раздвинув
Так широко, что еще чуть, и оторвались бы они, зато нараспашку вульва ее открытая
Прекрасную цель представляла длинному Крулла кнуту, из рабынь сделанному.

Глава XVI, в которой рассказывается о кнуте Крулла, из сухожилий рабынь изготовленном, и его использовании

Кнут этот чудовищный не был отнюдь обычным орудием, для наказания рабов
Служащим, ибо сделали его из сухожилий, от поясницы до ступней проходящих,
Тридцати рабынь высоких очень, причем сухожилия эти срезались с них
С мясом вместе тогда еще, когда живы они были, материал этот поставляя.
Впрочем, в тот раз и остальные части красивых женщин этих, в плен захваченных,
Впустую не пропали, ибо груди их и вульвы щиты воинов Крулла кровавых самых
Украсили перед схваткой следующей, что преимущество перед врагом им
Предоставляло, ужас безграничный внушая, как понимали только, что на щитах.
Ибо от щитов таких украшенных в ступор при виде гильветов соперники их впадали,
От чего варваров разъяренных мечи безнаказанно противников своих расчленяли,
Добычу богатую, рабов и рабынь в том числе, добывая. Женщины же, материал
Для кнута этого поставившие, всеми тела частями в тот раз использовались.
После того, как всё, гильветам потребное, с невольниц этих срезали, каждую еще
По несколько раз изнасиловали, что особо приятно было, ибо не только ноги

До пояса перерезаны были, но и вместо вульвы лишь месиво кровавое оставалось.
А это удовольствие небывалое доставляло, глубоко пенисом входить позволяя.
Потом же, от боли стонущих, но в сознании еще, выпотрошили их и зажарили,
Живых, конечно, и кричащих - на кострах, в честь победы над врагом разожженных,
А затем съели полностью, даже с лица щеки срезав, кости полностью обглодали.
Зато каждому по мяса куску досталось, и воину сильному, и мальчику несозревшему.
Пиршество закончив, за сухожилий обработку гильветы принялись, еще до того
С пленниц живых срезанных, как грудей и гениталий они лишились, на украшение
Кратковременное щитов пошедших. Для того узкие жилы эти длинные, очистив
От мяса оставшегося аккуратно, несколько дней на солнце горячем сушили бережно.
Вслед за тем сухожилия завялившиеся рабыням передали, дабы, не перекусывая,
Жевали они их, от чего жесткие плоти куски смягчались. После того разъединили
Жилы и по одной в шары небольшие свернули, шары же эти в рабынь-кобылиц
Вагины своих внутрь глубоко поместили, чтоб десяти дней не меньше в себе носили.
Время все это, пока сухожилий шары рабыни в себе держали, регулярно гильветы
Юные по очереди коитусом безудержным с ними занимались, дабы вагины кобылиц
Всегда влажными оказывались достаточно, ибо постоянно заполнялись до отказа
Спермой варваров молодых, да и соками женскими, против воли выделявшимися.
За десять дней вагины теплая среда влажная, в которой кнута сырьё человеческое
Находилось, смягчала его достаточно, дабы орудие прекрасное сплести мастерицей,
Одной из кобылиц тех же, но в почете некотором за искусность свою у гильветов
Находящейся, и потому на себе не столь много унижений рабских испытывающей.
За лет прошедших несколько с тех пор, как из женских тел кнут изготовлен был,
На упругой плоти многих сотен и сотен пленников и пленниц, от боли кричащих,
Крулл испытал его, и теперь замечательного мастерства достиг в пользовании
Орудием, даже по виду устрашающим, ибо в длину он двадцать локтей превышал.
Столь Крулл с орудием этим управлялся хорошо, что нисколько не помешала ему
Голая темнокожая нимфа десятилетняя, на пенисе взбухшем его анусом своим,
Долгими тренировками разработанным отменно, скачущая, и, к вождя соблазну
Пущему, колени перед его лицом разведя распутно, для чего назад откинувшаяся.
Потому, пенис из Ооты не вынимая, без помех мог Крулл стегать кнутом своим
Рабыню нынешнюю, недавно совсем еще женщину благородную, которую воинов
Двое вниз головой на весу держали, ноги ей широко растягивая и удобству вождя
Раскрытую вульву ее предоставляя, от ампутации губ больших кровоточащую.
Первый удар кнута этого чудовищного двойным ударом по вульвы краям обоим
Пришелся, как раз по мясу, после губ отрезания обнаженному, самым же кнута
Концом острым - по полной груди центру, соска лишенной. Удара след полосой
Багровой по телу всему взбух сразу, посредине же полосы крови капли выступили.
Завопила истошно женщина, понимая, что лишь первый удар получила из многих,
К смерти долженствующих ее привести. Почувствовала она, что Крулл до того ее
Доведет ударами своими, что в мыслях своих и криках сама о смерти скорейшей
Умолять будет, не в силах боле столь болезненного наказания такого переносить.
Не такую, конечно, но и раньше порку на себе испытывала она. Но от мужа лишь.
Не за провинности случалось это, а для того только, чтобы показать он мог ей
И гостям своим, что собственностью она его является, хоть свободной считается.
Перед тем в залу пиршественную муж ее звал, и обнажиться самой приказывал.
Гости, мужем ее званные, во всех подробностях оценить могли тело дома хозяйки,
Преобразованное столь великолепно - соски вытянутые и вульвы губы удлиненные,
К ним прикрепленные на кольцах и цепочках золотых пенисы бальзамированные,
А уж после того к колонне центральной в зале руки и ноги ей привязывали крепко.
У сановников приглашенных на глазах муж тогда плеть брал, и хлестал жену свою,
Полное ее подчинение показывая, ибо права не имела она о снисхождении просить.
Забавным украшением вечера званного представление было, но более важной цели
Служило - властью полной над такой женщиной великолепной свою мощь показать.
После представления такого в обществе высшем известно всем становилось мужа
Ее положение фактическое, властью над женой не в малой мере определяемое.
Но плеть, которую муж использовал, демонстративной все же была, ибо хоть полосы
Болезненные багровые и наносила, но боле никаких повреждений не причиняла.
Крулла же кнут, из женщин изготовленный, к убийству женщин и предназначался -
Поняла это прекрасная женщина благородная, ныне же рабыней ставшая, и внешне,
И по положению своему. По ударов силе и количеству понимала она, что теперь,
В отличие от мужа домашнего наказания привычного, вождь ее до смерти забивал.
Тело женское чувствительное, от ударов извивающееся, вниз головой в положении
Орла с крыльями разверстыми удерживалось, роль же крыльев ее конечности
Исполняли, в разные стороны двумя сильными воинами растянутые. Знали воины
Вождя своего привычки и понимали, что умереть должна она для их наслаждения.

Глава XVII, в которой рассказывается о двух кровавых игрищах, проходивших рядом с костром Крулла

Одновременно с тем, как Крулл своим кнутом чудовищным женщину благородную,
С вульвой, перед ним воинами растянутой, до смерти избивал, с его костром рядом
Совсем гильветов группа новое представление устроила, использовав для того

Задирали, при этом все места интимные - вульву разверстую и анус сжимающийся -
В движениях, о скромности не заботящихся, взорам жадным гильветов показывая,
Руками же, ногти срывая, при этом узел петли хоть как-то ослабить пытаясь напрасно.
Но танец их бесстыдный лишь к тому приводил, что туже еще петля затягивалась,
Артерии в девичьей шее стройной пережимая, и крови поток в мозг сокращая резко,
Отчего их лица испуганные постепенно темно-красными становились, глаза же из орбит
Вылезали, а крики, громкие поначалу, лишь в хрипение приглушенное превращались.
С хрипением этим одновременно у всех шестерых сразу мускулатура расслабилась
Уринальная, поскольку же крутиться продолжали они во все стороны на вервиях,
Ноги свои задирая, то толстые струи мочи горячей, зрителей веселя, тоже полились
Во все стороны, и друг друга поливая, и варваров в сторону отскочить вынуждая.
Столь много силы жизненной, богами посланной, в невольницах молодых оказалось,
Что никак не соглашались они борьбу, проигрышную заведомо, прекратить и в царство
Плутона добровольно отправиться, гильветы их уже и вниз за груди подтягивали слегка,
И мечами щекотали, девочки же всё никак не желали танец смерти свой прекратить.
Уж тени, солнцем заходящим отбрасываемые удлинились заметно, как пленниц висящих
Движения замедлились, лишь изредка одна из них руку или ногу приподнять пыталась,
Но до конца жест довести не могла. И с тем одновременно управление они теряли
Одна за другой над сжатым сфинктером своим и контролем желудка отправлениями.
Шумно гильветы приветствовали это танца смерти окончание, когда из отверстий
Анальных нагих рабынь молодых, на вервиях покачивающихся, испражнения жидкие
Вниз по ногам их стекали. Оота же, по-прежнему на пенисе Крулла сидючи, в восторге
Восхищения визжала от прилюдной - пред мужчинами - дефекации столь непристойной.
Трое воинов закончить тогда решили представление это, затянувшееся сверх меры.
По очереди к каждой из пленниц висящих, живых еще, они подходили; двое за ноги
Брались, в стороны их разводя, третий же меч длинный - в два локтя - со всей силы
Снизу в вагину ее разверстую всаживал, один ударом до рукоятки в туловище загоняя.
Когда же лишь тела безжизненные висеть остались, с кровью, по ногам загаженным
Льющейся, сняты эти тела были, для чего мечом тем же шеи им под петлей ударом
Меча единственным перерубались. Возбудилась Оота сверх меры всякой зрелищем
Насилия жестокого, и опасно сверх меры темп прыжков на пенисе Крулла увеличила.
Но поняла нубийка сразу, что с огнем, ее самоё спалить могущему, играет, ибо недавно
Лишь неудовольствие в газах вождя видела, когда он, также как сейчас, от прыжков ее
Близок к оргазму преждевременному оказался, потому замедлилась сразу, дабы Ооты
Голова рядом не оказалась лежащей с головами рабынь, только что умерщвленных.

Глава XIX, в которой рассказывается о четвертовании красавицы черноволосой, первой из четырех женщин к Круллу приведенных

Зрелищем пресытившись детишек, в петле для гильветов услады смерти исполняющих
Танец, Крулл повелел грозно для игрища нового зрелых женщин привести, с формами
Развитыми, пока же одну из невольниц-подстилок под ним сменить, ранее задушенную,
Ибо остывать она стала, вождя спине этим неудобство мертвечины холодом доставляя.
Пока одни воины, приказание вождя исполнять кинувшиеся, новые жертвы для забавы
Смертельной отбирали, другие варвары подстилку мягкую привели и, обнажив, Круллу
Со всех сторон показали. Доволен он остался телом ее пышным, и, Ооту не ссаживая
С себя, спину прогнул, дабы мертвую подстилку из-под него вытянули и в костер бросили.
Новая же подстилка быстро в пространство освободившееся проползла и, ноги раскинув
Широко, улеглась, живот свой мягкий и груди налитые удовольствию вождя подставив.
Как и остальным подстилкам, спину Крулла согревающим, кинжал ей неглубоко в вагину
Воткнули, дабы движением своим нечаянным она вождя усладу и негу не потревожила.
Тем временем воины, на поиски героинь игрища нового посланные вернулись, с собой
Приведя четверых невольниц белокожих, прекрасных красотой зрелой, лишь окончанием
Второго десятка лет достигаемой, и, в страхе пред испытаниями грядущими, дрожащих,
С глазами широко раскрытыми, причем, торопясь, не успели еще воины их обнажить.
Когда же, знаку вождя повинуясь, скинули гильветы с пленниц паллы и туники, увидели,
Что из женщин приведенных одна беременной оказалась, хоть и не видно этого сначала
Было под одеждой ее широкой. Не на сносях еще, но за вторую половину беременность
Ее перевалила заметно, месяцев на семь, ощутимо живот округлив и соски затемнив.
Однако для испытания первого не ее Крулл выбрал, а красавицу черноволосую с талией,
Часам песочным подобной и большими грудями полными с сосками бледно-розовыми.
К запястьям ее вервия привязали - те же, на коих подруги ее, молодые более, качались,
Вервия же эти через бревно горизонтальное перекинули и натянули, руки ей приподняв.
Руки ее вверх вытянулись напряженно, тело всё поддерживая, ибо длину вервия такой
Оставили, что лишь на самых пальцах ног стоять она могла. Однако положение женщины
При зрелище этом прекрасном наблюдателям возможности не давало любоваться
Частями всеми вульвы ее зрелой, лишь выбритый начисто Венеры бугорок показывая.
Потому лодыжки ей по одной перевязали, и, через то же бревно вервие перекинув, вверх
Подняли, дабы ноги ее горизонтально располагались, губы большие вульвы распахнув
Широко и клитор, высовывающийся из капюшона розового своего, с губами малыми,
Видимые отчетливо, вниманию поклонников своих мужских и оценщиков предъявляя.
Лишь на руках женщина двадцатилетняя висеть осталась, в воздухе одном, посередине
Временной постройки пыточной гильветов, в обездвижении собственном и полностью

Должная положиться на милосердие захватчиков своих. Тем же милосердие не присуще
Было, что многократно двух дней на протяжении наблюдала уже невольница висящая.
Хоть вред пока и не был ей нанесен, понимала она отчетливо, что во взглядах мужских,
На нее бросаемых, лишь тело мертвое видно, и теперь лишь времени вопрос остался -
Сколь много его отпущено и сколь жестокой и мучительной кончина ее неизбежная будет,
Тем более заняться пытками ее вождь Горру поручил - из варваров самому сильному.
Один вид гиганта этого страх внушал, как и занятие его пред назначением почетным,
Ибо его всем остальным воинам своим вождь предпочел. Занимался же Горр коитусом,
Но не с пленницей какой-либо, а лишь с головой, от женщины молодой отсеченной,
В руках под животом своим голову эту держа и на пенис свой ритмично насаживая.
Но не в рот он коитусом естественным занимался, а в шею ее разрубленную, в горла
Отверстие окровавленное пенис огромный вводя; изо рта же, в крике безмолвном
Раскрытого, головка багровая, кулачок детский размерами напоминающий, подобно
Языку непристойному, высовывалась, изгибаясь, будто не с того конца она орган сосала.
Кровь свежая от занятия такого из шеи по тестикулам Горра стекала, на землю капая,
Оота же по лицу головы насилуемой одну из девочек узнала, повешенную только что,
Отчего в волнении на пенисе Крулла подпрыгнула, чуть не соскочив, тем более поразил
Ее огромный меч двусторонний, который Горр, вождя приказу повинуясь, с земли поднял.
Столь велик меч этот был, что лишь бог иль великан, Горру подобный, владеть им мог.
За поясом же Горра в ножнах кожаных нубийка кривой нож восточный узнала, столь часто
На глазах ее при хозяев игрищах кровавых, в коих и она участие не единожды принимала,
Для потрошения женщин используемый, как мертвых, так и живых, что интересней было.
Однако Ооты волнение ей не помешало внимание свое Крулла ублажению посвящать,
Ослабления не допуская пениса его могучего, анальный проход нубийки шлифующего,
Хоть всё захватывающее при Горра появлении смерти оргия становилась, и ожидать
Следовало новых игр творческих, гильветами придумываемых, при бойне затеваемой.
Губу от нетерпения прикусив, ждала Оота, когда же, наконец, черноволосая красавица,
К испытаниям жестоким подготовленная, первой кровью своей песок под ногами окрасит.
Ожидания ее исполняя, поднял Горр меч свой, для эффекта пущего над головой крутанул
И резким ударом одним могучим на ногу чуть бедра ниже рабыне привязанной опустил.
Столь тот удар силен оказался, что начисто ляжку ей в месте самом широком перерубил,
Отчего нога, от женщины отдельно привязанная, на вервии своем закачалась, рабыня же
От ужаса закричала и на вервиях своих закрутилась во все стороны разные, тем самым
Гильветам в ракурсах всех свой пень толстый, кровью фонтанирующий, демонстрируя.
Хоть крик женщины этой и громок был, но вовсе в визг перешел, когда Горр вновь поднял
Меч свой громадный и, глаз один чуть прищуря, прицелился для удара нового нанесения.
Второй удар симметрично оставшуюся ногу отсек, отчего красавица на треть легче стала
И на руках своих, к бревну привязанных, грудями полными шевеля, в стороны закачалась.
Одновременно мочи струя толстая с шумом, крик заглушающим почти, из нее хлынула
Непристойно, за тела покачиванием вслед в места разные, в песок впитываясь вместе
С кровью, из обрубков фонтанирующей, к тем пятнам темным присоединяясь, что до нее
Полудюжиной девочек, на бревне том же горизонтальном повешенных, оставлены были.
Обут Горр был в кильты жесткие военные, но с мысами острыми, по противнику ударам
Предназначенными. На меч свой, в землю воткнутый, оперся великан, ногу одну поднял,
И носок острый в вагину рабыне засунул немного, жутким ревом, отчасти лишь смех
Напоминающим, движение сопровождая; поковырял там, женщину на руках раскачивая.
Потом с силой ногой снизу по вульве ударил, на вервиях рабыня закачалась, от удара
Кровь не только из ног обрубленных пошла, но и из вагины хлынула. Горр же тогда кол
Деревянный заостренный поднял, в шесть локтей длиной, кричащую женщину безногую
Ухватил, и в отверстие ее анальное толчком одним на два локтя с лишним его загнал.
Руки одной от кола не отрывая, меч свой огромный великан тогда взял и со свистом его
Над женщины головой провел, руки ей в локтях обрубая, после чего туловище кровавое
Четвертованное на палке деревянной поднял, трофей свой демонстрируя, и в песок
Второй кола конец воткнул, скульптуру, на анусе держащуюся, зрителям представляя.
От кровопотери обильной, чрез четыре обрубка исходящей, быстро рабыня в Плутона
Царство отправилась, но гильветы, последними жизни ее мгновениями наслаждающиеся,
Признали дружно, что торс красавицы четвертованный столь же им привлекательным
Показался, как и тело всё обнаженное, при жизни краткой столь от испуга дрожащее.

Глава XX, в которой рассказывается об убийстве еще двух женщин из четырех, к Круллу приведенных

Следующей жертвой из женщин четырех, Круллу приведенных, была женщина отобрана
Из стран дальних неведомо, ибо голова у нее выбрита наголо оказалась, что в местах,
Ооте известных не делалось. Приказали ей самой пред гильветами обнажиться, и руки
Вверх над головой высоко поднять, что со страхом и выполнилось ею незамедлительно.
Ибо хоть понимала женщина бритая, что время смертное ее настало, но все же спорить
Бесполезно с великаном жестоким, потому и разделась беспрекословно, нагой оставшись
Пред варваров взглядами ухмыляющимися, и руки вверх подняла, груди свои полные
Этим так приподняв, что соски в Горра сторону устремились, а живот стройный подобрав.
Поднял тогда Горр меч свой чудовищный и острием в сосок женщины уперся, нажав
Слегка, но не вдавил грудь, хоть большую, ибо острым меч был, а до кости прорезал,
Сосок с ореолом вертикальной чертой красной перечеркнув. После того с другой грудью
Горр пытку повторил, лишь в том отличие создав, что чертой горизонтальной ее пометил.
Оота, губы от волнения облизывая и вождя пенис не забывая анусом своим ублажать,

Смотрела, как по рабыни грудям и животу, с розовых близнецов млечных перечеркнутых
Начинаясь, струйки красные текут, в ложбине, ноги разделяющей, исчезая, и любуясь
Фигурой ее стройной, Флору напоминающей, разрезом высоким Венеры бугорка литого.
Закричала женщина, не столь от боли, а от страха, понимая, что полностью во власти
Мясника жестокого находится, хоть и не связанная, но шевельнуться права не имеющая,
Ибо испытание пыточное по началу не столь болезненным было, как ожидать она могла,
На игры гильветов насмотревшись, но зная, что время уходящее срок жизни ее отмеряет.
В варваров мнении, Оота знала, женщины голые эти куда ниже считались, чем животные
Мясные, для убоя приготовленные, ибо рабыни служили лишь для Амура утех, но столь
Жестоких, что только под пытками погибель хозяевам их требовалась, а гильветов
Взорам лишь кровь жертв своих требовалась и ужас предсмертный, в глазах застывший.
В жизни своей короткой со столь частым насилием чрезвычайным над женщинами Оота
Сталкивалась, что привыкла лишь забавляться этим, столь же пытками возбуждаясь,
Как хозяева ее, ибо формы развлечения иной не знала нубийка десятилетняя. Сейчас же
С волнением смотрела на женщины полное покорение, нагой перед Горром стоящей.
Хоть и могла та в сторону отскочить, иль убежать, не делала этого, лишь телом всем
Дрожала, отчего на коже ее обнаженной бугорки гусиные выскочили, а по ноге струйка
Желтая потекла непроизвольно. Понимала она, что момент пришел смертью ужасной
Погибнуть не ради цели высокой, а лишь для захватчиков ее развлечения кровавого.
Горр ноги расставил широко, в песок их упер, меч свой чудовищный, плашмя держа
Над землей, назад за спину завел, размахнулся, прицелившись, и ударом единственным
Могучим рабыню бритоголовую в талии перерубил. Нижняя женщины половина, колени
Растопырив смешно, вперед упала, вверх ягодицы раскрытые непристойно выставив.
Верхняя же часть ее назад отлетела, головой безволосой о песок ударилась, груди же
Полные подпрыгнули, в стороны качнувшись, как спина на землю упала. Увидели тут все,
Сколь чист разрез поперечный могучего меча был, ибо внутренности так идеально ровно
Рассечены оказались, что, даже освободившись, выскользнуть из нутра ее не спешили.
Горр тогда второй кол с земли поднял, в песок рядом с первой жертвой своей воткнул
И верхнюю тела половину женщины бритоголовой на него насадил, дабы нелегкую
Работу его гильветы смогли оценить. Сам же великан к третьей рабыне тут подошел,
Которую за руки поднятые тем временем к бревну горизонтальному привязали крепко.
Тем временем, развлечения ради, один из воинов молодых часть нижнюю приподнял
Рабыни рассеченной, вагиной ее насадил на пенис свой, от зрелища представившегося
Эрегированный уже и коитусом занялся, туловище за ягодицы схватив, на себя надевая.
Хоть мертва вагина была, но теплая еще, даже влажности выделение воин почувствовал.
К третьей жертве, руками к виселице привязанной, подойдя, учуял Горр испражнений
Запах и пленницу к зрителям спиной перевернул. От представления такого засмеялись
В восторге гильветы, ибо увидели, что лишь от страха перед мечом приблизившимся,
Действие которого ужасное видела она, фекалии из нее на песок падали, ноги пачкая.
С рыком ужасным, ржание лошади скорее напоминающим, смех нежели, в сторону Горр
Меч свой чудовищный отложил, чем пленницу привязанную так удивил, что застыла она,
Ибо ожидала, что в ход это оружие сейчас пущено будет. Горр, однако, безоружным
Пред рабыней не остался, из ножен потрошильный восточный кинжал изогнутый вынув.
Пленница привязанная от испуга завизжала пронзительно, когда за грудь ухватившись
И на себя оттянув, длинную ровную линию красную Горра нож острый сверху груди одной
У основания ее провел, вслед за тем без промедления великан рассек сверху глубоко
Грудь вторую. Потом он руки в надрезы грудей пышных вложил до запястья, вниз рванул.
Разорвалась от того плоть ее нежная, на живот груди полуоторванные упали, мясо свое
Открывая - красное, кровью по бокам истекающее, и светлое, бело-желтое внутреннее.
Горр же со спины пленницы зашел, ноги ей пинком раздвинул и в анальное отверстие,
Нечистотами ее собственными испачканное, нож свой с лезвием изогнутым воткнул.
Ввел он его до рукоятки, и гильветы, пред пленницей расположившись, увидели, как ножа
Кончик, внутренности прорезав и кожу проткнув, чуть ниже пупка пленницы показался.
Улюлюканием восторженным встречено это было, ибо коитусами многочисленными
Пресытившись, лишь рабынь богоподобных смерть жестокая их пенисы возбудить могла.
Столь же и Горр истинную ценность пленниц оценивал лишь красочностью зрелища
Пыточного, кое рабыня их взорам голодным могла представить, что не так от нее самой,
Как от палача зависело, женщин испытанию жестокому подвергающего. Потому рывком
Мощным он вниз ножом надавил, вскрытый проход анальный, живот и вагину рассекая.
Кишки женщины располосанные, не удерживаемые ничем боле, из нее повалились сразу,
Чрез живота разрез выскальзывая и между ног раздвинутых дымящейся кучкой ложась,
Сверху же новые падали, с потрохами вместе. Дождавшись действия этого окончания,
Обратно в ножны Горр кинжал вложил, меч свой огромный поднял и над головой занес.
Кверху пленница распотрошенная голову задрала и закричала пронзительно, глядя на то,
Как острое лезвие размеров чудовищных на нее опускается. Лишь единственным ударом
Могучим наискось чрез кости все Горр женщину перерубил, на плечо левое меч опустив,
Меж грудями налитыми проведя и над изящным бедром правым орудия путь закончив.
Еще раз показал великан силу свою огромную и умение невероятное мечом тяжелым
Владеть, что криками и свистом одобрительным гильветами остальными встречено было.
Пленницы же тела верхнюю часть, под углом перерубленную, на третий кол насадил
Великан и рядом с женщин двумя телами, пред тем им умерщвленными, в песок воткнул.

Глава XXI, в которой рассказывается о страшной смерти беременной женщины, последней из

Теперь для матери время настало, ибо, ухмыльнувшись зловеще и девочки голову на пенисе Своем поправив, нож он медленно к животу набухшему, с разрезом пока единым, поднес, Теперь же полностью по периметру всему круг кинжалом очертил, брюшины удаляя покровы Все наружные, отчего с кожей вместе потроха внутриутробные на землю вывалились разом. Под роженицы ногами привязанными, раздвинутыми широко, сразу холм парящий вырос, Из кишок и внутренностей скользких состоящий, а со спины подойдя, движением круговым По талии Горр ее разрезал, позвоночник лишь обойдя, но еще жила женщина, даже кричать Пытаясь безуспешно, когда великан движением одним трупик безголовый из нее выдернул. Пуповину обрезав, на руке Горр тельце поднял и ножки раздвинул, зрителям восторженным Показывая, что девочкой рабыня зарезанная разрешиться пыталась, после чего скинул с себя Голову, остывать начавшую, и вместо нее пенис свой вонзил в вагину ребенка безголового, Несколько фрикций глубоких им сделав, что свистом гильветов восхищенных одобрено было. Но столь сильна эрекция была великана жестокого, что, когда руки от тельца Горр убрал, Горизонтально оно застыло, к земле не опускаясь нисколько. Затем, меч свой огромный взяв, Конечности все четыре роженице он отсек и, вагину пустую уже на кол надев, распотрошенное Туловище в песок поставил, рядом с тремя ранними жертвами умерщвленными игрищ своих.

Глава XXII, в которой рассказывается о порке Ооты мясоносительницей чернокожей

Обхватил жестко Крулл руками обеими бедра маленькой чернокожей игрушки своей, пенис его Ублажающей анально, тем Ооту последние силы выкладывать заставляя для танца Венеры Яростного. К времени тому позднему еще две рабыни-подстилки, под Круллом тихо лежащие, И мягкость его развлечениям с нубийкой обеспечивающие, умерли, стона при этом не издав. Одна от кровотечения маточного погибла, тем вызванного, что один из гильветов, вождя Окруживших, решил, что кинжал, в вагину ее воткнутый, недостаточно глубоко прошел, Тем не столь много ей неудобств причиняя, чтобы молчание полное гарантировать при любых Крулла по подстилкам своим перемещениях из-за Ооты прыжков на гениталиях его набухших. Потому воин тот, кинжал поправляя, столь далеко его просунул, что рукоятка наполовину Скрылась уже в складках вульвы ее разверстой. Со смехом он кинжал задвигал, говоря, Что оружие твердое куда лучше, чем пенис смягчающийся, и шаловливо клитор ей щекотал, Утверждая, что все рабыни, в кобылицы не отобранные, оргазм испытать от кинжала могут. Вторая же подстилка просто задохнулась, когда всем весом немалым Крулл на нее налег, Рукой при этом горло непреднамеренно пережав. Видя пренебрежение господина могучего К подстилкам бесправным, Оота опыт общения с ними перенять решила, Круллу показав При этом способность к обучению премудростям любым, с органами женскими связанными. Потому, с пениса вождя не слезая и темпа движений не меняя, вытянула нубийка ногу одну, И ступни пальцами рукоятку кинжала ухватила, что в вагине еще живой подстилки был. Затем, вытянув этот кинжал аккуратно и ногой в сторону отбросив, пяткой больно подстилку По бедрам ударила, побуждая этим ее колени свои в стороны сколь можно широко развести. С интересом Крулл наблюдал за нубийки молодой действиями, не зная еще, что хочет она, Но и не противодействуя. Воины же, близ вождя стоявшие, тоже не поняли Ооты замысла, Но с интересом продолжения игры ждали, не ими уже затеянной, а лишь рабыней малолетней. Подстилка же, понимая, что от Крулла имени приказ отдан, молча колени раздвинула покорно. Для удобства пересела немного нубийка на Крулла пенисе и ступню свою, уриной и кровью Измазанную, с песком налипшим, в вагину подстилки вводить стала, пальчиками перебирая, И ими губы малые в стороны раздвигая, но не переставая нисколько анус свой для Крулла Услаждения на глубину всю использовать, но эякуляции его преждевременной не допуская. Постепенно вводила Оота ногу свою в подстилку, права пошевелиться или боли стон издать Приглушенный не имеющую. Наполовину ступня легко вошла, затем пятка нубийки застряла. Этим не смутившись нисколько, вес свой весь Оота на ногу переместила, и толчком единым Пятку жесткую протолкнула, и далее тогда ногу в вагину подстилки бесправной вводить стала. Даже препятствие - матку рабыни - почувствовав, не остановилась нубийка, а лишь с улыбкой Победной игру свою, по сути нисколько от варварских не отличающуюся, до той поры вела, Когда икру свою до половины введя, и матку этим проткнув, не увидела, как из подстилки Крови поток хлынул, сама же рабыня затихла бездвижно, в Плутона царство отправившись. Лишь этим Оотой истязание закончено было, и с улыбкой довольной на Крулла она взглянула, Головы кивком на подстилку мертвую вождю хвастливо указывая, тем подтверждая наглядно, Гильветов уроки женщин умерщвления освоение, следовательно, в живых остаться достойна, Ибо, хоть и молода она очень, но и в Амура играх равных ей нет среди рабынь захваченных. Крулл внимание обратил, что ни следа малейшего переживаний от содеянного и увиденного На лице оливковом ребенка не отразилось, потому новому испытанию ее подвергнуть решил, Ибо, хоть и дожила Оота до возраста десятилетнего, не один десяток хозяев жестоких сменив, Случилось так, ни разу не секли ее, что весьма необычно было для девочки привлекательной. Тем временем новую рабыню к Крулла костру подвели, ее оголять заранее гильветам Не требовалось, ибо лишь виде обнаженном постоянно пребывать она предназначалась. Рабыня та матово чернокожей сонгаитянкой молодой была, роста высокого, но еще выше Казалась из-за колец спиральных на шее, почти на пол-локтя целых голову приподнимающих. Похожие кольца, также в тело впивающиеся, основание больших грудей ее перетягивали, Отчего огромными они стали и на два надутых пузыря с молоком похожи. Голова ее выбрита Наголо была, с бровями вместе, а губы, уши и нос огромные кольца серебряные протыкали. Волос вместо большие перья раскрашенные из-под кожи вверх над затылком поднимались. Но главное, от женщин обычных в гениталиях она отличалась, где на глубине пальца мужского Указательного меж анусом и вагиной отверстие было проколото и в дыре получившейся, Отверстие анальное с вагиной соединяющее, толстое кольцо серебряное вставлялось,

Меж ног ее стройных еще более чем на треть локтя провисающее, анус с вульвой оттягивая.
Это кольцо основным признаком служило, что молодая сонгаитянка та - мясоносительница,
Ибо ролью ее основной в жизни переноска мяса была: либо чужого - тогда поклажа к кольцу
Привязывалась, либо себя, также в пищу предназначавшуюся, - тогда за кольцо огромное,
Прочно тело удерживающее, сонгаитянка, заживо жарящаяся, над костром подвешивалась.
Длинный тонкий кнут мясоносительнице вручили, Крулл же, Ооту не ссаживая, перевернул
Нубийку спиной к себе, и на ноги встал, на грудях двух подстилок место найдя, сонгаитянке
На девочку головой кивнул, мишень для порки обозначая, после же назад отклонился, руками
Ооту придерживая, а та сама вперед подалась, дабы возможно удобную цель представлять.
Прекрасно понимала девочка маленькая, что происходить будет, и сколь во многих местах
Оливковая кожа ее нежная рассечется, ибо много порки последствий на своем веку видела,
Но не хуже понимала, что лишь покорность полная, с палачами сотрудничество добровольное
Хоть некоторые шансы предоставляли для жизни ее спасения в играх гильветов кровавых.
Двое воинов с кнутами позади сонгаитянки встали, дабы пресечь жестко ошибку ее любую,
Когда вместо Ooты гильветов вождя мясоносительница ударить попыталась, и, хоть рабыня
Чернокожая к куда худшему испытанию готова была, нежели ребенка избиение, Крулл решил
Мудро дополнительный стимул ей дать, дабы к игры началу скорее сколь можно ее принудить.
Ибо опасалась мясоносительница, что лишь в нубийки избиения имитации ее участвовать
Заставляют, истинная же цель игрища затеваемого - самой сонгаитянки смерть мучительная,
Поскольку достаточно уже видела в дни последние крови и смертей, лишь тому посвященных,
Чтоб возбуждение гильветам предоставить, и сама к скорой смерти неизбежной готовилась.
Крулл тем временем пенис свой огромный выгнул слегка, руками Ооты ягодицы приподняв,
Что сигналом для мясоносительницы послужило порку начать, и она со всей силы нубийку
Обнаженную стегать начала, ибо, если смерть сонгаитянке планида уготовила, то, не пассивно
Подчиняясь, примет она ее, но, как богам наблюдающим ведомо было, действуя осознанно.
Ибо бездействием никогда неизбежное не остановишь, а лишь участием добровольным
В игрищах любых, особо в игрищах с избалованными игрушками Венеры малыми, немало
Коих перевидала она, дабы уяснить, что сутью своей были эти игрушки дешевы и презренны,
Лишь тому предназначаясь, чтоб тестикулы людей многих одновременно сперму выработали.
Из-за кольца огромного не могла мясоносительница сама не только родить, но и надеяться
Когда-либо пенис в нижних отверстиях ощутить, даже дефекация проблемой для нее была,
А дабы сонгаитянка оргазма мастурбацией не испытала, еще в детстве клитора ее лишили,
Потому в душе почитала мясоносительница особо женщин, дитя зачать и родить способных.
Игрушки же Амура, как девочка-нубийка эта, рано развившаяся, лишь ненависть ее вызывали,
Ибо, спермы животворящей столь много в жизни своей короткой получая, впустую тратили ее,
За игрушки малолетством, зачать потому не могущей. Оттого, сомнения никакого не ведая,
С размаха первый кнута удар мясоносительница негодующая по Ооте беззащитной нанесла.
Сонгаитянка чернокожая готова была все силы свои положить, дабы девочке ненавистной,
Развившейся слишком рано, урок жестокий преподать, охотно убила бы даже она нубийку
За красоту мерзкую и за позор, коий темною кожей своей игрушка та расу черную обрекает,
Главное же - за то, что целых полдня скакать она на пенисе вождя может, наяде подобно.
Не менее и то мясоносительницу раздражало, что добровольно игрушка противная под кнут
Подставляется, с предвкушением наслаждения улыбкой, вместо страха естественного.
Оота же к ожесточенным ударам жалящим отнюдь готова не была, и улыбку только в начале
Самом удерживала, ибо лишь ударов имитации от женщины, как и сама чернокожей, ожидала.
Второй кнута удар живот нубийки пересек и на спину изогнулся. Столь острым и внезапным
Укол его был, что еле удержала Оота в анусе своем Крулла пенис, вскрикнув от боли жгучей,
Но более от страха за жизнь свою, ибо ранее во всех игрищах беспощадных участие девочка
Принимала всегда как зритель, либо орудие наказания, но никогда до того - как предмет его.
Внезапно, впервые в жизни своей короткой, настолько уязвимой нубийка себя почувствовала,
Хоть наблюдала многократно порку рабынь владельцами их жестокими, страданиями женщин
Тогда наслаждаясь, ибо в мире цивилизованном невольниц и жен наказание источником было
Развлечения, особенно для хозяев богатых, потерю невольниц нескольких могущих перенести.
Оота же достаточно умна была, чтобы соблазнительницу малолетнюю изображать успешно,
И улыбка озорная не на плахе ей место всегда приносила, а на зрителей и хозяина стороне,
Либо на пенисе его, где обучение гаремное плоды сладкие давало и владельцами ценилось,
Сейчас же положение ее, гильветов жестоких пленницы бесправной, совсем иным было.
Ибо нисколько не интересовались варвары рабынь ценностью и умением их в играх преуспеть
Венеры затейливых, иное вовсе ценилось - сколь рабыня громко кричать могла, сколь долго
Расчленение и живота потрошение вынести могла и сколько крови отдать до путешествия
Последнего в Плутона царство подземное, да сколь путешествие это зрителями оценится.
Удар кнута следующий поперек живота нубийки напряженного пришелся, кончиком же своим
Кнут по лицу Ооту ударил, губу ей нижнюю рассекая. От крови вкуса девочке показалось,
Что сейчас на ноги вождя грозного стошнит ее, чего испугалась она, ибо смерть принесло бы,
И понять пыталась, сколь еще крови из нее выльется до Крулла удовлетворения полного.
Новый удар меж ног Ооты пришелся, на волос лишь Крулла тестикулы не задев, но по бугорку
Венеры пройдя и ровно меж складок губ ее малых, отчего боли взрывом девочку обожгло,
И капли крови темно-красные на вульве незрелой выступили. По месту для женщины любой самому
болезненному удар тот пришелся, причем по Крулла приказу женщина его нанесла.
Но даже не женщина женщине боль ту причинила, а женщина ребенку еще не созревшему.
По телу же девочки оливковому полосы багровые набухать стали, с крови капельками
На вершине, что рабами хорошо обученными в мире цивилизованном как наказание
Отнюдь не восприниматься долженствовало, а лишь как хозяина своего обслуживание.
Ибо участь рабов непременная в получении ударов кнута состояла, и шрамами хорошими
Многочисленными гордилась челядь дворовая, поскольку владельца внимание обозначалось

Образом таким, и как поощрение рассматривалось. Степенью же высшей гордости этой
Развлечение хозяина считалось, убийством, изощренным сколь можно, рабыни достигаемое.
Если слишком быстро смерть наступала, богов возмездием это было за жизни прегрешения,
Либо владельца - за проступки совершенные. Иначе совсем - смерть роскошная, медленно,
От мук во избавление приходящая, при которой болью невольницы хозяин наслаждаться мог;
Смерть такая венцом карьеры рабыни любой была и службы ее поощрением окончательным.
Начала понимать Оота, что вряд ли живой этот берег покинет, потому решила роль свою,
Богами предрешенную, до конца сыграть, гильветам и рабыням иным пример собой показать,
Как жизни конец провести надлежит, боль всю на обозрение выставив, если все же, несмотря
На нубийки старания и в искусстве Венеры умение полное, хозяин новый убить ее решил.
Для Крулла наслаждения песней ветра ураганного крики девочки по лагерю всему разнеслись,
Со вздохом каждым в силе и резкости увеличиваясь, каждому же кнута удару в такт дергалась
Нубийка на пенисе, Крулла эрекцию этим усиливая, к оргазму запоздалому вождя приближая,
И воинов иных, на игрище Ооты взирающих и пенисы свои восставшие руками перебирающих.
Сонгаитянка чернокожая, умение кнутом работать показывающая, столь же беспощадна была,
Как гильветы жестокие, ибо столь же разрушительны удары ее были по ребенка коже нежной.
На рабынях обеих темных уже пота капли выступили, чем довольны варвары оказались,
Ибо зрелище более захватывающе, когда рабыня рабыню наказывает, нежели воины сами.
Столь превосходно мясоносительница обнаженная кнутом владела, что каждый удар почти
По гениталиям детским приходился, но ни разу не задела она Крулла тестикулы огромные,
Нубийки же вульва, складки ее от ударов непрерывных разбухали всё более, разрез открывая,
Пока похожи не стали на разинутый широко до горла птенца клюв, пищи жадно требующий.
В восхищении от раскрытой полностью набухшей вульвы детской гильветы вокруг застыли,
Пенисы свои теребя и мечтая самим в кнутом воспаленных вагины глубинах узких очутиться,
Но понимая, сколь маловероятно это, ибо, если любое рабыни наказание начиналось, жертвы
Лишь смертью закончиться оно могло, на пути к которой нубийка молодая сейчас находилась.

Глава XXIII, в которой рассказывается о смерти Ооты, до мгновения последнего Крулла ублажающей

Удовлетворился Крулл Ооты наказанием, руками мясоносительницы проводимым, мощь кнута
Демонстрирующими, лишь когда сонгаитянка усталая, потом обливающаяся, ронять его стала,
Тем самым новому этапу нубийки мучений начаться долженствовало, для коего пеньковое
Вервие крепкое воины принесли и на одном конце петлю самозатягивающуюся завязали.
В ужасе глаза Оота выкатила, когда обруч пеньковый вокруг ее головы спускать стали, петлю
Стягивая, ибо видела женщин много, за шею вешаемых - знала оттого, что наказание это
При палачей умении должном медленное, болезненное и фатальное всегда. Так и теперь,
Поняла нубийка малолетняя, что жизни нить, ей отпущенная, к концу неизбежному подходит.
Знала она прекрасно, что все женщины повешенные всегда испражняются непроизвольно,
И мочатся также; наблюдала, как рабыни красивые, обнаженными повешенные, зрителей
Дабы прелестями своими восхитить, уродливыми в петле становятся, ибо глаза их выпирают,
Десны кровоточат, а раздутый язык фиолетовый изо рта, в удушье разинутого, выпадает.
Зрелище столь безобразное даже тогда происходит, как не до смерти рабыню подвешивают,
Лишь для забавы того дожидаясь, чтоб шея невольницы задергалась и набок склонилась;
Сейчас же иное действо производиться будет, Плутона царством оканчивающееся, ибо лишь
Для зрителей представление это забавно, но не для той, которая в петле качаться должна.
К Ооты однако удивлению крайнему вервия конец свободный не был на виселицы бревно
Горизонтальное закинут; вместо того мясоносительницу, поркой нубийки изможденную,
В сторону отвели, кнут отобрав, и вервие к огромному кольцу ее серебряному привязали,
Которое в утробе на пальца глубине вагину сонгаитянки и отверстие ее анальное пронзало.
Устройство это простое, для того служащее, дабы тело живое мясоносительницы самой
Над костром подвешивать, теперь по гильветов замыслу должно было инструментом стать
Ооты удушения, ибо тотчас приказал Крулл сонгаитянке нубийку с его пениса стягивать,
А девочке самой велел крепче за себя держаться, мясоносительнице в том противодействуя.
Под воинов смех громкий соревноваться в тел своих крепости женщины измученные стали,
Ибо определиться сейчас должно было, что прочнее - чернокожей сонгаитянки гениталии,
Либо Ооты позвонки шейные. Обхватила нубийка руками сколь могла далеко Крулла талию,
А ноги свои вокруг его ног огромных сплела, ступни скрестив, за тело вождя держась отчаянно.
Ибо понимала девочка, что, сколько бы сфинктер свой на вождя пенисе не сжимала, силы той
Недостаточно, дабы на Крулле удержаться от сонгаитянки взрослой. Воины же тем временем
Кнутами ягодицы и спину, потом покрытые, мясоносительницы чернокожей стегать начали,
Женщину побуждая вервие, к гениталиям ее проткнутым привязанное, натягивать со всех сил.
Хоть и не было необходимости никакой сонгаитянку пороть, дабы сотрудничеством заручиться
Ее добровольным в женщин двух соревновании, все же кнутов удары заставляли ее сильнее
Вервие натягивать, ибо болезненно было для нее очень кольца давление, перемычку между
Органами для женщины любой самыми чувствительными - вагиной и анусом - разрывающее.
Но рабыни чернокожей усилия Ооте еще большие неприятности доставляли, ибо вервие,
Шею ее плотно сжимающее, и от сонгаитянки усилий дергающееся, дыхание ее затрудняло,
Тем более, Крулла приказ выполняя добросовестно, со всех сил руками, вспотевшими тотчас,
За торс мускулистый вождя она удержаться пыталась, а за столбы ног его - коленями своими.
Всё сильнее воины мясоносительницу чернокожую стегали, всё сильнее вервие тянула она,
Оттого Ооты руки проскальзывать стали, а вслед за кольцом натянутым меж вульвой и анусом
Сонгаитянки мясо упругое выпирать начало. Нубийки малолетней лицо краской фиолетовой
Налилось, глаза выпучились, рот, воздуха требующий, раскрылся широко, язык вывалился.
Руками удержаться не в силах более, отпустила Оота вождя торс, лишь ногами и сфинктером

На нем удерживаясь, ибо знала, что, пенис Крулла из себя выпустив, убита была бы тотчас.
Но владельцу повиновение цель ее теперь составляла, не жизнь собственная кончающаяся,
Потому, на вождя пенисе скакать перестав, лишь сжимать его пыталась в такт кнута ударам.
Умереть же, что теперь неизбежно стало, она красиво хотела и владельцу новому послушно,
Долг рабыни, утехам Венеры с малолетства предназначенной, выполнив пред всеми честно.
Узел на вервия петле тем временем артерию и горло пережал, дышать Оота не могла более,
А во рту, открытом судорожно, гильветы, вокруг собравшиеся, увидели десен ее кровоточение.
Цепляться все же нубийка продолжала за Крулла ноги, и усилие это дополнительное, воздуха
Нехваткой усугубленное, к тому привело, что сознание нубийка терять стала, а с ним вместе
Контроль утрачивать над тела своего действиями естественными, оттого внезапно бурная
Из нее горячая струя желтая на Крулла могущественного живот хлынула, залив его полностью.
Быстро девочка к Плутона царству подземному подходила, а сознание потеряв окончательно,
Разжала она ноги, от перенапряжения мускулов дрожащие, и, сфинктером расслабленным,
С громким звуком, смешным очень, вина забродившего амфоры открывание напоминающим,
С Крулла пениса сорвалась, спиной на песок упав, и борозду длинную по нему прочертив.
Столь сильным ослабление вервия напряжения внезапное было, что и мясоносительница
На ногах устоять не сумела, грудями своими, спиралями пережатыми, в песок уткнувшись.
Крулл же, от груза надоевшего нубийки малолетней избавившись, к колеснице поверженной
Римлян побежденных подошел, и, ногой упершись, огромный крюк железный из нее выдернул.
После того, к Ооте лежавшей наклонившись, вождь крюк тот в анус всадил, им же растянутый,
Девочки, бездвижно на песке с раскинутыми ногами лежащей. С силой крюк повернув, того
Крулл добился, что стержень железный изогнутый вагину нубийки проткнул, яичники ее, пузырь
Мочевой, недавно лишь опорожненный, и через низ живота вышел, чуть выше кости лобковой.
Новая ручка железная в Ооте теперь торчала, мясоносительницы большого кольца наподобие,
Крулл же ребенка, сознания лишившегося поднял, и, жизнь пытаясь вдохнуть, несколько раз
По лицу ударил, пока затуманенные глаза нубийка не открыла, хоть тело ее детское по-прежнему
Безвольным и расслабленным оставалось, невзирая на боль ужасающую от крюка воткнутого.
Воины тогда, вождя приказу повинуясь, на ноги мясоносительницу поставили, и кнутами вновь
По спине и ягодицам хлестать стали, опять принуждая вервие натягивать, Крулл же крепко
Крюк железный держал, дабы петля на нубийки шее не расслаблялась, а более натягивалась;
Тем самым промежности женщин обеих предметами металлическими натягиваться стали.
Фактически в силе соревнование Крулла и сонгаитянки началось, с Оотой вытянутой - за шею,
Вервием пережатую, и крюком за кость лобковую, меж борцов посредине, отчего вновь девочка
Сознание терять начала, хоть и отчаянную последнюю попытку бесполезную вырваться сделала,
Чем у гильветов, на представление восхищенно глядящих, крики и одобрения свист вызвав.
Понимали зрители, что в борьбе такой недолго ребенок проживет, но и смерть соревнование
Прервать не могла, ибо единственный вопрос, варваров занимающий был - чьи гениталии
Первыми напряжения не выдержат и вырваны будут - мясоносительницы чернокожей от кольца,
Вервием натянутого, или нубийки от крюка железного, в Крулла руке мускулистой зажатого.
От соседних костров воины подошли, ибо очень интересным игрище это новое получалось,
И спорить начали, чье мясо первым от хозяйки своей оторвано будет, но споры те не на деньги
Заключались, как в странах цивилизованных издавна принято было, а на ухо собственное,
Что обычным у варваров считалось, когда выигравший проигравшему сам его отсекал.
Крулла жесту повинуясь, порку сонгаитянки чернокожей кнутобойцы усилили, не только по спине
Всей ее ударяя, но и по молочным пузырям надутым грудей больших, спиралями перетянутых,
И по гениталиям блестящим с пигментацией темной, забавно вслед за кольцом вытянувшимся.
Изо всех сил вервие сонгаитянка тянула, оттого все ближе Оота к Плутона царству подбиралась.
Ребенка шея вытянулась напряженно, глаза же выпученные закатились, и лишь лекаря помощь
Срочная могла бы теперь смерть ее предотвратить, но вовсе не собирался Крулл порядок вещей
Естественный менять, даже мысль не могла прийти такая, ибо не для того игрище затеяно было,
Чтобы невредимыми из него выйти смогли участницы, столь в гильветов глазах незначительные.
Внезапно Крулл могучий, ногами в песок упершись, со всей силы крюк на себя дернул, игрище чем
Закончил, ибо столь сразу вервие натянулось, что нубийки голова от туловища оторвалась вмиг,
А сонгаитянки кольцо серебряное из гениталий вырвалось, новым отверстием единым огромным
Вагину и анус разрывая, при этом скользкие кишки ее толстые вслед за собой из нутра вытягивая.
Ибо от Крулла толчка вновь вперед мясоносительница ничком упала, грудями в песок уткнувшись,
И при падении внезапном этом внутренности чрез межножье разорванное сами выползать стали.
На ноги тогда сонгаитянка встать попыталась, но полностью ей движение не удалось, лишь торс
Приподнять сумела она, на руках и коленях в позе возбуждающей коитуса вожделения застыв.
Из гильветов воин один поднял тогда с земли Ооты голову, петлей оторванную, и толчком одним
Чрез открытую широко промежность разорванную сонгаитянки, на коленях стоящей, уткнувшись
В песок головой, в живот ее втиснул, после чего кнута ударами по ягодицам мясоносительницу
Вперед заставил ползти, за собой след разматывающихся внутренностей и кишок оставляя.
Доползла сонгаитянка до кромки воды, но и тут варвар в покое ее не оставил, принуждая
К движению дальнейшему в моря глубины. Но не была мясоносительница с детства плаванию
Обучена, ибо в пустыне безводной жила, потому утонула быстро, лишь кишок змеей плывущей
Место отмечая, где она и Ооты голова последний свой день в царстве живых закончили.

Глава XXIV, в которой рассказывается о бойне рабынь заключительной и Крулла размышлениях, повествование это завершающих

На телах двух подстилок своих, живых еще, Крулл стоял, в руке крюк держа с телом безголовым
Ооты, только лишь умерщвленной, и удовлетворенно берег осматривал, отмечая, что не только